

А ИСЕДОРА Дункан с юных лет мечтала быть великой танцовщицей. Изумительная внешность, тонкий ум, огромное

трудолюбие быстро сделали ее популярной, а затем и любимой актрисой во многих странах мира.

Дункан была не просто великолепной исполнительницей танцев, она внесла в искусство хореографии свое, современное видение балета, разработала целое направление в этом виде творчества.

— Ваш классический балет несет фальшивые позы и уродливые движения, — доказывала она. — Танец — не случайное сочетание нескольких искусственных движений. Ходит ли кто-нибудь в жизни на пуантах или поднимает ногу выше головы?! Все это неестественно и, следовательно, некрасиво и надуманно. Все зло в условностях, придуманных обществом, в жизни и на сцене.

Айседора неоднократно повторяла, что тело человека — это и есть сам человек. И закрывать его, не обнажать те или иные части тела, не любоваться ими — ужасное преступление. Поэтому танцевала она босиком, в прозрачной греческой тунике, давая возможность зрителям восхищаться красотой ее совершенной фигуры.

Однако ее личная жизнь складывалась трагично. В автомобильной катастрофе погибли ее двое малолетних детей — шофер не справился с управлением автомашины, и она упала в реку Сену с моста в центре Парижа. Потом у нее родился еще ребенок, но и он вскоре умер.

Эти несчастья не могли не сказаться на судьбе танцовщицы. Она стала нарушать спортивный режим и пополнила. Ей стало все труднее собирать зрителей.

В 1920 году она захотела приехать в Советскую Россию. Привыкшая к роскоши, вниманию и славе, Айседора решила поехать в страну, где умирают от голода десятки тысяч людей, зимой не работает паровое отопление, вполнакала горит электричество, на улицах бесчинствуют толпы опасных преступ-

Вышла в свет, 1991 - 12 окт. - с. 6-7, 10

Последнее любовное письмо Айседоры

Новые документальные данные

ников и беспризорников.

Она решает в нашей стране за свой счет открыть танцевальные школы и учить в них детей рабочих и крестьян, чтобы через своих учеников вносить в толпы людей пластику и красоту движений.

Большевистские вожди изо всех сил приманивали «великую босоножку» в Москву, обещая полную поддержку всех ее начинаний.

21 июля 1921 года Дункан приехала в Москву. Вскоре ей представили особняка на Пречистенке (ул. Кропоткина). В просторных залах с золоченой лепкой, мраморной лестницей, со стенами, обитыми розовым атласом, и огромными зеркалами разместила она свою школу. 3 октября ее переводчик Илья Шнейдер, чтобы развлечь танцовщицу, привез ее в студию к художнику Якулову, у которого собралась дружеская компания. Все окружили Дункан, восхищаясь ее необычным платьем и прической, и когда все поутихло, ей представили молодого блондина в светлос-голубом костюме. Нисколько не робея, он щелкнул каблуками, поцеловал протянутую руку и назвал свое имя.

— Сергей Есенин, поэт. — и улыбнулся с юношеской непосредственностью.

Танцовщица, так и не понимая, кто перед ней стоит, неожиданно для присутствующих произнесла по-русски:

— Ангел! — царственными руками обняла крепкую фигуру поэта и поцеловала в губы.

Более шестидесяти лет об этой встрече двух великих людей пишут газеты и

журналы всего мира, созданы поэмы, многочисленные кинофильмы, изданы десятки книг, и никто не ответил на вопрос: почему Дункан, не зная русского языка, назвала Есенина ангелом. Недавно мне удалось прочесть скрываемые даже от исследователей воспоминания Г. Бениславской, из которых я получил ответ. Встреча произошла 3 октября, в день рождения Есенина.

Случайная встреча сблизила их, несмотря на то, что Дункан была на 16 лет старше Есенина: они стали мужем и женой.

Айседора быстро поняла значимость творчества Есенина, узнала о преследовании его властями и ВЧК и увезла за границу. Они побывали в большинстве стран Европы, ездили в Америку. Там Есенин жил в роскошных виллах, отелях, санаториях, но он тянулся в Россию. Он им предпочитал труппы Родины. 3 августа 1923 года они возвратились в Москву.

Айседора поехала на юг, Есенин остался в Москве, намареваясь догнать Дункан. Однако не поехал, и они расстались навсегда.

Власти так и не сдержали обещания, школ для Дункан не открыли. Потеряв надежду на любовь Есенина, в 1924 года Айседора навсегда уехала из Советской России во Францию.

Узнав о гибели Есенина, Дункан телеграфировала в парижские газеты:

«Трагическая смерть Есенина причинила мне глубочайшую боль. У него были молодость, красота, гениальность. Неудовлетворенный всеми этими дарами, его отчаянный дух искал невозмож-

Эдуард Хлысталов

118

ного. Он уничтожил свое молодое, прекрасное тело, но дух его будет вечно жить в душе русского народа и в душе всех любящих поэзию. Протестую против легкомысленных высказываний, опубликованных американской прессой в Париже. Между Есениным и мною никогда не было ссор, и мы никогда не были разведены. Я оплакиваю его смерть с болью и отчаянием».

В январе 1926 года она писала:

«...Смерть Есенина потрясла меня, но я столько плакала, что часто думаю о том, чтобы последовать его примеру, но только иначе — я поиду в море...».

Все родные, близкие, друзья отвернулись от Дункан. Изредка ее приглашали в богатые дома, но смотрели на нее там с сожалением и презрением.

Б ЕЛОЭМИГРАНТ Петр Марган позже писал о жизни Дункан в ее последние дни:

«Низкий розовый дом привлекал наше любопытство. Широкая терраса его доходила до самой дороги, и лошади пользовались случаем почесать свои морды о ее железные перила.

Дом стоял в стороне от города. Кончалась Ницца, тянулся пустырь, и вдруг за пустырем — сиротливое розовое здание.

Наши верховые прогулки были очаровательными, и я теперь вспоминаю о них, как об утраченной радости. В первые дни за нами бегали все городские мальчишки; встречные старухи пяtilись

со страху, осеняя грудь крестным знаменем по-католически, автомобили замедляли ход, а полицейские, сбиваясь с толку козыряли повоенному.

Нищие жители никогда не видели таких странных наездников. В ярких черескалах, при полном оружии мы, без сомнения, представляли для мирного гражданина Лазурного Берега поражающее зрелище.

Со временем любопытство улеглось. Из Корсики перекочевали на континент офицеры и казаки Белой Армии. Русская форма стала привычной для француза. На темных конях мы скакали к Антибу и обратно, уже не привлекая ничего внимания... Разве только изредка сентиментальные девушки в светлых, спортивных платьях забрасывали нас, хочоча охапками диких роз из окон кокетливых вилл, выкрикивая с забавным акцентом: «Вив козак!»

У розового домика мы всякий раз придерживали коней, а порой, приподнявшись на стременах, шарили глазами террасу и внутренность открытой, стекляннй двери. Желание увидеть таинственную женщину, о которой говорила вся Ницца, превратилось в жгучую необходимость. В одиноком домике жила отшельницей знаменитая танцовщица Айседора Дункан.

Был воскресный вечер. Осенние сумерки легли на землю темно-лиловым туманом. На белых виллах сквозь густую зелень деревьев свистывали отны. Там и сям, точно в деревне, раздавался собачий лай, по дороге проносились автомобили, предшествуемые заунывным воем сирен; изредка с грохотом тащился двухколесный шарбан провансальских фермеров, запряженный старой, покрывшейся клячей.

В воздухе пахло кипарисами и жареным каштаном.

— Какая красота, — проговорил Ваня, указывая рукой на кровавое зарево, обхватившее небо у горизонта над морем. — Наверн остался бы в этой стране.

Бросив поводья на взмыленные шеи лошадей, мы ехали шагом по мягкой траве, окаймлявшей шоссе, к дороге.